

«КАЖДЫЙ СЛЫШАЛ НА ЕГО РОДНОМ ЯЗЫКЕ»

Язык, на котором говорит церковь

Аннотация: Библия представляет языковой вопрос сквозь призму двух знаковых событий: строительства Вавилонской башни и Пятидесятницы, где первое становится символом тоталитарного режима, который нивелирует личность и строит единство, лишённое Бога, а второе, применяя языковое многообразие, превращает разрозненную толпу в духовное сообщество.

Языковой вопрос в евангельско-баптистской среде возникает в годы освободительной борьбы за украинскую государственность. В условиях советской Украины использование украинского языка параллельно с русским вызывало дискуссии и происходило на фоне политики украинизации, а его судьба повторила судьбу этих процессов в государстве. В условиях Польши языковое проявление евангельских христиан и баптистов зависело от мировоззренческой зрелости региона: галичане пользовались украинским, воляняне и полешуки – украинским, польским и русским. Благодаря стремлению молодого и сознательного поколения протестантов этих территорий украинцы получили Библию на родном языке.

Церковь не может ограничиться прагматическим отношением к языку, потому что рано или поздно язык, который она выбирает, превратится в выразитель ее общественного мировоззрения. Язык тесно связан не просто со способом мышления, а с менталитетом, мировосприятием человека. Языковое проявление человека – это составляющая его идентичности, а значит духовной целостности. В украинских реалиях – это преодоление денационализации, а следовательно, деморализации, осуществленной тоталитарными режимами по отношению к отдельному человеку и обществу в целом. Для церкви выбор языка – это выбор будущего.

Ключевые слова: церковь, евангельские христиане-баптисты, украинский язык, украинизация, идентификация.

Lina Borodynska. “How Does Each of us Hear our Own Language?” The language the Church Speaks.

Annotation. The Bible represents the language issue in the light of two significant events: the construction of the Tower of Babel and Pentecost, where the

Лина Бородинская, кандидат исторических наук, доцент, переводчик и литературный редактор, автор книг и многих статей по истории евангельского движения на западноукраинских территориях (г.Ровно, Украина). ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4727-7720>. Перевод автора.

first becomes a symbol of a totalitarian regime that destroys the individual and builds a unity without God, and the second, using languages variety, transforms a scattered crowd into a spiritual community

The language issue in the Evangelical-Baptist environment arose during the years of the liberation struggle for Ukrainian statehood. In the conditions of Soviet Ukraine, the use of the Ukrainian language in parallel with Russian caused discussions and occurred on the background of the policy of Ukrainization, and its results were the same as the results of these processes in the state. In the conditions of Poland, the linguistic manifestation of Evangelical Christians and Baptists depended on the worldview maturity of the region: Galichians used Ukrainian, Volynians and Poleschuks – Ukrainian, Polish and Russian. Due to the aspirations of the young and conscious generation of Protestants of these territories, Ukrainians owe the appearance of the Bible in its native language.

The Church cannot limit itself to a pragmatic attitude to language, because sooner or later the language it chooses will turn into an expression of its social worldview. Language is closely related not only to the way of thinking, but also to the mentality and worldview of a person. A person's linguistic expression is a part of his identity, and therefore of his spiritual integrity. In Ukrainian realities, this means overcoming denationalization, and therefore demoralization, carried out by totalitarian regimes in relation to an individual and society in general. The choice of language for the church is the choice of its future.

Keywords: church, Evangelical Baptist Christians, Ukrainian language, Ukrainization, identification.

ВВЕДЕНИЕ

◆ Российско-украинская война в очередной раз подняла в украинском обществе вопрос языка. На этот раз он коснулся и протестантского сообщества. Если в его церквях с начала 90-х годов произошел произвольный выбор языка общения и богослужения, обусловленный традиционным для того или иного региона языком, то с 2014 г., а особенно сегодня, этот выбор в основном осознанный. В то же время на Юге и Востоке Украины выбор языка общения и богослужения вызывает дискуссии, что также является положительным сдвигом для этих регионов.

Для протестантов вопрос языка считался, впрочем, и теперь считается второстепенным по сравнению с вопросами обращения человека к Богу, духовного совершенствования, служения «небесной родине». Описывая такую их черту, украинская ученая Елена Панич отмечает, что для протестантов «нация, как и национальный язык, являются временными вещами, имеющими мирской характер. Они составляют определенные исторические условия, в которых человек должен «совершать свое спасение» (Фил. 2:12) и служить Богу. Следовательно, и их ценность измеряется тем, насколько они способствуют или наоборот мешают осуществлять эту, главную для каждого верующего, задачу»^[1].

^[1] Панич Олена. Про мову, патріотизм і євангельську ідентичність в Україні. РІСУ. Дата публікації: 26.11.2010. URL:https://risu.ua/pro-movu-patriotizm-i-yevangelSKU-identichnist-v-ukrajini_n42755

Несмотря на то, что именно Реформация способствовала развитию литературных языков в Европе, протестантизму был и есть свойственен прагматизм по отношению к языку, обусловленный убеждениями, что человек должен читать Священное Писание и молиться на понятном и удобном для него языке. Поэтому протестанты, и украинские в том числе, главным образом относились к языку как к коммуникативному средству, а не как символическому выражению коллективного сознания.

Сейчас украинские евангельские верующие начинают понимать язык именно как выразитель национального сознания. Но это только начало долгого процесса самовоспитания и идентификации, который, к сожалению, происходит медленно по сравнению со стремительностью общественных изменений.

Пятидесятница вопреки Вавилону: МНОГООБРАЗИЕ ПРОТИВ ТОТАЛИТАРИЗМА

◆ Библия представляет языковой вопрос сквозь призму двух знаковых событий, которые непосредственно касаются использования языка и косвенно говорят о власти и многообразии: строительство Вавилонской башни и Пятидесятница. Повествование о Вавилонской башне (Быт. 11:1–9) – это история высокомерия («И сделаем себе имя») и желания власти и силы не отдельным человеком, а совокупностью людей («один народ», «прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли»). Более того, описывая строительство башни, библейская история полемизирует с представлениями древних вавилонян о том, что она была построена богами, которые спускались к людям. Поэтому человеческий труд над башней понимался как посягательство на божественную территорию («башня, высоту до небес»).

Инструментом достижения собственного величия, которое простиралось к божественности, по Господнему определению был язык («и один у всех язык»). Поэтому Божьим способом защитить человечество от высокомерия, всеохватывающей власти и богоотступничества было разделение языков и расселение людей по поверхности земли «по племенам их, по языкам их, в землях их, по народам их» (Быт. 10:5, 20, 31). Вавилон стал символом тоталитарного режима, который нивелировал личность, поведение, язык, а затем и мышление, строя единство, лишённое Бога.

В прошлом есть немало примеров использования языка для формирования утопического общественного единства. История отсылает нас к одному из таких, где Вавилон снова невольно оказался в центре событий – империи Александра Македонского. Увеличивая свои завоевания, он начал воспринимать себя как полубога. Империя насчитывала десятки языков и культур, но греки были равнодушны к изучению иностранных языков. Александр, заигрывая с завоеванными народами и пытаясь удер-

жать контроль над ними, носил иностранную одежду и родился с ними, но выучить хотя бы один из иностранных языков не смог. Этому препятствовала идея превосходства греческого мира и, соответственно, – пренебрежение к другим культурам. Приобрело популярность новое слово, обозначающее новую идентичность, – «космополит», «гражданин мира»^[2].

История Нового Завета разворачивается на эллинском фоне, созданном Александром Македонским. Несмотря на то, что Палестина входила уже в состав другой империи – Римской, господствующим здесь оставался греческий язык. Однако Иисус обращался к своим слушателям на их родном – арамейском. Более того, Он и ученики говорили на галилейском наречии. Даже авторы Евангелий, передавая содержание на койне, употребляли арамейские слова. Примечательно, что они являются словами Иисуса в особо интимных или важных моментах: «Авва» («Отче», Мр. 14:36); «Талифа-куми!» («Девушка, говорю тебе, встань!», обращенное к мертвому ребенку, Мр. 5:41), «Еффафа!» («Отверзись!», адресованное глухому, Мр. 7:34); «Или, Или! Лама савахфани?» («Боже мой, Боже мой! Для чего Ты Меня оставил?», Мф. 27:46).

Событие, как бы закрывающее проблему, порожденную Вавилоном, – сошествие Духа Святого на апостолов в день Пятидесятницы (Деян. 2). Перед читателем предстают две группы людей: ученики, которые «были единодушно вместе», и разрозненная толпа празднующих – «иудеи, люди набожные, из всякого народа под небесами». Результатом событий, произошедших в день Пятидесятницы, стало формирование из этой разрозненной толпы «общения», когда «все верующие были вместе» и «единодушно пребывали в храме». Процесс идет в обратном порядке, тогда как строители Вавилона стремились достичь неба, в день Пятидесятницы Небо само сошло к людям. По этой логике, казалось бы, то, что Бог смешал тогда, должен был бы соединить теперь. Но эта мысль будет правильной, только если считать разноязычие Божьим наказанием. Если же появление разных языков понимать как способ защиты человека от греха, то вполне понятно действие Духа Святого.

Именно Дух Святой обеспечил единство рассеянных по земле. Его инструментом стал язык: «Каждый из них слышал, как те говорили на его родном языке»; «Как же это каждый из нас слышит их говорящими на нашем родном языке?» Родной язык, как говорил Иван Огиенко, стал кратчайшим путем человека к Богу: «Все мы слышим, как они говорят о великих делах Божьих на наших языках! Все слышим мы, что говорят они о великих делах Божьих на языках наших!»^[3] Пятидесятница стала исцелением, в буквальном смысле этого слова, для общества. Бог неизбежно

^[2] Пухнер Мартін. Писаний світ. Як література формує історію. Київ: Темпора, 2022. С. 38–41.

^[3] Цит. по Новый русский перевод.

участвует в формировании языкового разнообразия, пытаясь защитить человека от него самого, рассеяв его по всей земле, чтобы высокомерно не «сделал себе имя». В то же время Он становится залогом духовного единства людей, не отрицая языкового многообразия^[4].

Для украинцев Вавилоном стала Российская империя, а вслед за ней Советский Союз, где язык, а именно русский, выполнял ведущую роль в формировании высокомерия, утверждении власти, лишённой Бога, следовательно, – морали и достоинства. Точно это подчеркивает Петр Пеннер:

«Созданный человеком глобализм и интернационализм, как напоминает недавняя история СССР, приводит к одинаковости и серому униформизму. Все должны быть одинаковыми и вести себя одинаковым стандартным образом. Созданный человеком универсализм и глобализм способствует быстрому развитию греха, распространению зла и противостоянию Богу. Рассеивание по всей земле, создание своей культуры, использование разных языков мешают быстрому расширению зла по всей земле. Таким образом, разные языки, культуры и народы лучше вписываются в план Божьего спасения человечества и, в первую очередь, являются Божьим благословением многоликому человечеству»^[5].

Освободившись от тоталитарного режима, Украина стоит на пути еще и ментального, духовного освобождения, важнейшим элементом которого является языковое утверждение. Какую роль в этом продвижении играет церковь, в частности евангельские христиане-баптисты? Она будет сохранять тоталитарные рудименты или будет способствовать формированию заложенных Богом характерных черт украинцев?

РЕТРОСПЕКТИВА ЯЗЫКОВОГО ВОПРОСА У ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН И БАПТИСТОВ

Игнорирование национального фактора в 1917–1921 гг.

◆ Едва ли не впервые языковой вопрос, даже шире – вопрос национального определения, в евангельско-баптистской среде возник в годы борьбы за украинскую государственность. Правда, был он очень робким и несформированным. Во время создания Украинского Государства во главе с гетманом П. Скоропадским в Киеве состоялся Первый всеукраинский съезд баптистов (1–8 октября 1918 г.). Присутствовавший на съезде представитель Министерства вероисповеданий, Павел Мохор, констатировал, что ряд общин проигнорировал съезд, считая его сепаратистским по отношению к российскому баптизму. А присутствующие отнеслись

[4] Пельтье Анн-Мари. Библейские чтения. У истоков европейской культуры. Київ: Дух і літера, 2014.

[5] Пеннер Петр. О языках и народах – Божий замысел в истории спасения народов: Вавилонская башня, Пятидесятница, Небесный Иерусалим. Богомыслие. 2021. № 30. С. 14 – 35.

крайне негативно к миссионерству на украинском языке, в частности и к созданию новых гимнов на украинском. Чиновник отмечал, что отношение баптистов к Украинскому Государству было скептическим, но в то же время к правительству – уважительным. Баптисты не могли игнорировать указание апостола Павла молиться за власть, поэтому съезд молился за гетмана, правительство и признал это обязательным для всех общин. Вывод Павла Мохора был довольно печальным: баптизм, который является «полезным теперь», будет «вредным в будущем», поскольку «отвергает национальный фактор, нивелирует личность и тем самым разрывает с прошлым нашего отечества», украинская история и культура для него чужда^[6].

Дискуссионность языкового выбора в УССР

◆ Снова вопрос языка в евангельско-баптистском сообществе возник в условиях советской Украины. На фоне политики «украинизации» в сопровождении некоторых дискуссий украинский язык начали использовать параллельно с русским. Единичным сподвижником украинизации баптистского сообщества был поэт, писатель и редактор журнала «Баптист Украины», Иван Кмета-Ефимович. В 1924 г. он издал единственный в советской Украине сборник песен на украинском языке «Арфа», через три года – нотный сборник «Родные напевы», где рядом с русскими были помещены украинские произведения.

С основанием в 1926 г. русскоязычного журнала «Баптист Украины» писатель неизменно вел рубрику «Українське слово» и предлагал даже на ее основе сделать отдельное украинскоязычное издание «Християнське слово». Со страниц журнала узнаем, что украинские крестьяне воспринимали баптизм как фактор русификации, отмечая, что те, кто стал евангеликом, сразу начинали говорить по-русски так, «как будто они приехали из Москвы». Поэтому Иван Кмета-Ефимович поощрял баптистов, особенно в сельских общинах, где население говорило только на украинском, употреблять в проповедях и пении родной язык, организовывать молодежные вечера, где также использовать украинскоязычный материал. Правда, он признавал проблему с наличием украинской Библии. «Старый перевод Кулиша, Пулюя и других не отвечает современным требованиям... Наш народ до сих пор не имеет Святой Библии в таком переводе, который бы удовлетворил требования украинцев на Советской Украине... Приходится снова подтвердить, что печатать Священное Писание надо на Советской Украине, потому что наша церковная жизнь еще мало, по сравнению, украинизирована»^[7].

^[6] Уляновський В. І. Церква в Українській державі 1917 – 1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського). Київ: Либідь, 1997. С. 225–228.

^[7] Кмета-Ефимович І. А. Новий переклад Святого Письма на українську мову. *Баптист України*. 1927. № 3. С. 45–46.

Иван Кмета-Ефимович с семьёю.

Автор призывал читателей к обсуждению вопроса украинизации церкви. На адрес журнала поступало много писем с благодарностью за рубрику «Українське слово» и просьбами помещать больше украинскоязычного материала. Основываясь на этой переписке, а также тенденциях, происходивших во Всеукраинском союзе объединенных христиан-баптистов, один из его руководителей, Павел Дацко, отстаивал его автономию в Союзе Баптистов СССР. В статье «Союз баптистов и его деятельность» он отмечал, что для украинцев присуща этнокультурная самобытность и активный процесс пробуждения национального самосознания^[8].

Иван Кмета-Ефимович призвал единомышленников осознать, что религиозная жизнь никак не может стоять в стороне от культурных процессов. В статье «Неотложное дело в Новом Году» (1927 г.) он намечал стратегию украинизации жизни протестантов:

Конечно, наша религиозная жизнь стоит как-то в стороне от таких жгучих дел, но если мы на сто процентов проникнуты мыслями миссии, то должны непременно решить вопрос: украинизировать нашу работу среди украинского крестьянства или оставить ее русской, как она сейчас...

Мы – люди прогресса, мы должны всегда идти вперед во всех областях жизни, а потому и поднятие национального сознания среди наших членов должно быть неотложным делом...

Наша история в будущем серьезно связана с моментом – есть ли у нас верующая, образованная молодежь...

Молодежь вне церкви национально и социально сознательная. Нам говорят – вы несознательные, у вас русификация...

Я вспоминаю свои переживания в первые времена моего пребывания в кругах верующих, душа болела, когда везде один, один с родным делом...

Дело украинизации наших миссий – баптистов, евангельских христиан и др. должно официально начаться в следующем году... Конечно, это дело надо осуществлять осторожно, дав полную возможность русским общинам употреблять родной язык в своих молитвах, собраниях^[9].

[8] Ігнатуша А.Є. Політика українізації у віддзеркаленні протестантської преси 20-х рр. ХХ ст. *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*. 2001. Вип. XIII. С. 69–77.

[9] Кмета-Ефимович І. Неодкладна справа в Новому Році. *Баптист України*. 1927. № 1. С. 41 – 43.

В двух следующих номерах журнала опубликованы отзывы на статью, среди которых наиболее заметным является сообщение П. Дацко, в котором он высказывает предложения по украинизации харьковской общины баптистов: «Прежде всего нам следует организовать кружки друзей украинского языка, которые смогли бы в дальнейшем направлять эту работу во всех областях деятельности общины. Проповедникам, которые могут употреблять украинский язык, следует говорить только на нем, надо как можно больше устраивать украинских литературных собраний, концертов и т.д.»^[10].

Однако статья И. Кметы-Ефимовича вызвала не только положительные отзывы. Из следующего номера, где автор поместил «Мои объяснения к статье «Неотложное дело» узнаем, что его обвиняли в субъективизме, продвижении собственных желаний вопреки тенденциям в баптизме, сепаратистских настроениях относительно Союза баптистов в СССР, русофобии и даже шовинизме. Как выяснилось, желание организовывать украинские литературные собрания вызывало большое сопротивление русскоязычной части сообщества, провоцируя в отдельных общинах конфликты. Редакторам упрекали также, что 1/6 часть журнала, выделенная для «Українського слова», – это слишком много как для издания, которое распространяется также и в России.

Среди прочего, И. Кмета-Ефимович убеждал читателей, что украинизация – «это дело не отдельных лиц, отдельных братьев, а закон жизни, неудержимая стихия, голос самого народа. Мы, поставив этот вопрос, далеки от шовинизма, потому что в христианских кругах не может быть вражды, ненависти к русским. Верующие украинцы далеки от этого, скорее их не любят, но это обычное явление, и не надо на него обращать внимания, пока и они не поймут»^[11].

Дискуссия об украинизации на страницах журнала была прервана решением Совета Всеукраинского союза объединений баптистов (ВСОБ), но и дальше в рубрике публиковались восторженные сообщения читателей из советской Украины и из-за рубежа о ценности украинского слова. В основном такой факт они воспринимали как возрождение народа и церкви.

Следует подчеркнуть и сотрудничество И. Кметы-Ефимовича с галицким «Післанцем правди», который стал для писателя и его читателей вдохновением и аргументом в пользу отдельного баптистского украинскоязычного издания в УССР^[12].

Положительное влияние рубрики «Українське слово» все-таки проявилось в общинах баптистов, о чем свидетельствует протокол и отзывы о V Всеукраинском съезде баптистов (10–14 мая 1928 г., Харьков). Правле-

^[10] П.Д. Уривок зі статті в «В.З.» *Баптист України*. 1927. № 3. С. 42.

^[11] Кмета-Ефимович І. Мої пояснення до статті «Неодкладна справа». *Баптист України*. 1927. № 4. С. 46–47.

^[12] Єф[имови]ч І. Західня Україна. *Баптист України*. 1927. № 7. С. 50.

Духовно-нравственный журнал «Баптист Украины», 1928, №4.

ние ВСОБ поощряло молодых проповедников пользоваться украинским языком и избегать недоразумений на национальной почве^[13].

Как отмечает ученая А. Игнатуша: «Баптистская церковь была единственной из числа протестантских церквей Украины 20-х гг., которая не только номинально одобрила курс украинизации, но и активно и целенаправленно воплощала его в жизнь, достигла реальных успехов, значительно расширила круг единомышленников, получила одобрительные отзывы из-за границы – из Западной Украины и Америки. Тем больнее ударила по ней смена курса советской власти в конце 20-х гг. в направлении денационализации и обвинений в национал-

сепаратизме... Нужно отметить, что баптисты в 20-х гг. имели огромный потенциал для создания своей церкви на национальной почве и этот процесс был грубо прерван вмешательством политики государства»^[14].

Две модели языкового определения украинцев-протестантов в междувоенной Польше

◆ На украинских землях в составе Польши, где сформировались центры евангельских христиан и баптистов, их языковое проявление также стало достаточно дискуссионным.

Сначала вопрос, на каком языке совершать богослужения, у евангельских течений не возникал. Это был русский. Со временем выработалось две модели языкового проявления украинцев, принадлежавших к направлениям евангельских христиан и баптистов:

- употребление в богослужении и церковной жизни трех языков: украинского, русского и польского;
- использование исключительно украинского языка.

Воплощение этих моделей на практике имело преимущественно профессиональное и географическое выражение. Например, различные организации евангельских христиан, большинство представителей которых проживали на Вольни и Полесье, сначала пользовались русским языком, а со временем начали употреблять польский и украинский. А украинские баптисты Галичины отстаивали употребление в богослужении и церков-

^[13] 5-й Всеукраинский С'езд Християн Баптистов. *Баптист України*. 1928. № 7. С. 31–40.

^[14] Игнатуша А.Є. Політика українізації у віддзеркаленні протестантської преси 20-х рр. ХХ ст. *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*. 2001. Вип. XIII. С. 69–77.

ной жизни живого народного языка. Предпосылками такого языкового проявления протестантских течений является общественно-политический, культурный и религиозный фон. Прежде всего заметим, что Вольнь, Полесье и Галичина до завершения Первой мировой войны находились в условиях разных государств: Российской империи и Австро-Венгрии, языковая политика которых существенно отличалась.

Политику Российской империи в отношении украинского языка сегодня ученые называют лингвоцидом – сознательным уничтожением языка определенного этноса, прежде всего его письменной формы. С 1720 г. по 1917 г. в Российской империи был введен 31 нормативный акт, направленный на ограничение сферы употребления украинского языка или его запрета^[15]. Самыми известными документами оказались Валуевский циркуляр (1863 г.), который запрещал издание книг на украинском языке; и Эмский указ (1876 г.), который запрещал украинский язык в церковной жизни, музыке, театре, книгопечатании, ввоз на территорию империи книг, напечатанных на украинском языке, ограничивая его только бытовым употреблением.

А вот правовое признание украинского языка в Галичине было закреплено в конституционных актах Австрийской империи 1848 г. и 1849 г. Признавалось равноправие польского и украинского народов, и, что важно, признавался сам факт существования украинского народа и его собственного языка. И хотя употребление украинского языка в официальных документах, органах государственной власти и самоуправления, судопроизводстве, в учреждениях образования, науки, культуры находилось в постоянной конкуренции с польским языком, все же официальное признание давало возможности для развития. В Австро-Венгрии сложились благоприятные правовые условия для употребления украинского языка в литературе и средствах массовой информации, о чем свидетельствует большое количество украинскоязычных изданий: более 80 к 1913 г.^[16]

Отличалось и положение украинского языка в традиционной церкви. Богослужение и в православной, и в греко-католической церквях совершалось на церковнославянском языке. Но в православии в 1784 г. было введено старомосковское произношение церковнославянского языка, которое способствовало русификации украинского населения. Это усиливал ряд имперских указов и распоряжений, по которым были уничтожены украинские церковные книги и запрещено издание украинскоязычной духовной литературы.

^[15] Півторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. Київ: Видавничий центр «Академія». 2001. 153 с.

^[16] Гаврецька М.Й. Правовий режим української мови у Східній Галичині (1848–1939 рр.). Спеціальність 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук. Київ, 2015. 20 с.

Конечно, языковая непонятность православного богослужения создавала прекрасную почву для оттока православных в протестантизм. Евангельские течения, появившиеся в XIX в., пользовались русским языком, пусть и чуждым украинцам, но более понятным, чем церковнославянский.

В то же время в ГКЦ, утвердившейся в Галичине (с 1839 г. запрещена на Волыни), язык богослужения имел старокиевское произношение, во многом понятное слушателям, и не стал инструментом ассимиляции украинцев. В середине XIX в. началось внедрение живого народного языка в церковно-богослужебной сфере. В частности, в проповеди и катехизисе. Следующей сферой, за которую боролась украинская интеллигенция, стала частная молитва. Правда, по этому поводу в церкви продолжались дискуссии^[17].

На фоне таких общественно-политических и религиозных обстоятельств вполне понятной и последовательной является ситуация с появлением, изданием и распространением Библии. Новый Завет на украинском языке впервые был издан в 1871 г., Библия – в 1903 г. Перевод осуществили П. Кулиш, И. Пулюй и И. Нечуй-Левицкий. Оба первых издания вышли в Вене. Именно этой Библией и пользовались протестанты-украинцы Галичины.

На территории Российской империи также появился перевод Нового Завета на украинский язык, осуществленный П. Морачевским 1860 г. Однако этот труд было запрещено издавать. Библия Кулиша распространялась в Российской империи отдельными экземплярами только нелегально. В то же время в Российской империи в 1862 г. состоялось первое издание Нового Завета, а в 1876 г. – Библии на русском языке, сделанное с благословения Синода православной церкви.

Евангельские христиане Волыни имели тесные связи с российскими единоверцами. Их первая община образовалась в Ковеле в 1908 г., а через два года она вошла в состав Всероссийского союза евангельских христиан.

К 1921 г. на Волыни уже существовало 19 общин евангельских христиан, большинство из которых состояло из украинцев. В 1939 г. одно из самых многочисленных объединений евангельских христиан – Союз славянских общин евангельских христиан – состояло из более 80 общин, 96 % которых было на Волыни и Полесье. То есть их преимущественно составляли украинцы, которые в повседневной жизни разговаривали на украинском языке. Однако сначала проповеди и песнопения на богослужениях звучали на русском языке. Это было обусловлено наличием только русской Библии, сборника песен «Гусли», составленного И. Прохановым,

^[17] Пуряева Н.В. Українська мова в літургійній практиці українських церков. *Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Філологія».* 2018. № 42. С. 128–146.

немногочисленной духовной литературы и периодических изданий на русском языке. Кроме того, еще находясь под влиянием православия и политики бывшей империи, старшие волыняне и полешуки считали повседневный язык недостойным для выражения духовных идей.

В то же время люди, плохо владевшие русским языком, в проповедях и молитвах часто извращали значение слов, искажали произношение, поэтому звучание получалось очень комичным, неуклюжим, а для служителей, считавших себя русскими, даже оскорбительным^[18].

Весомую долю в богослужебной практике и церковной жизни занимал польский язык, которым должны были владеть все пасторы. Этим языком общины и объединения вели документацию, переписку с государственными органами власти. Хотя количество поляков среди евангельских христиан было незначительным, Союз издавал польскоязычный официальный орган «Ewangeliczny Chrześcijanin»^[19]. В ответ на замечание, что большинство читателей, жителей Волыни и Полесья, не понимали польского языка, руководство Союза поощряло изучать польский, создавать специальные кружки для изучения государственного языка или по крайней мере собираться вместе для чтения и толкования журнала^[20].

Украинцы, которые принадлежали преимущественно к малоимущим и даже бедным слоям населения, а их национальное сознание было на низком уровне, не могли отстаивать свои национальные интересы в религиозной среде, как это делали, например, украинцы-баптисты Галичины. Повышению украинского национального сознания не способствовал и тот факт, что большинство духовной литературы было напечатано на русском и польском языках. Часто большая часть богослужения совершалась на чужом для украинцев языке, исключением могли быть толкования проповедей, которые местные проповедники осуществляли на родном языке. Поскольку в составе Союза славянских общин евангельских христиан были украинцы, поляки, русские, чехи и др., то национальный вопрос в их религиозной среде не имел особого значения. Всех, по мнению лидеров, должен был объединять польский и русский языки.

Журнал «Ewangeliczny Chrześcijanin».

^[18] С-чук Ф. Християнство і націоналізм. Торонто, Детройт: Видання УЄО в Північній Америці, 1966. 143 с.

^[19] Ewangeliczny Chrześcijanin. 1935–1937.

^[20] Modnicka N. Kościół Ewangelicznych Chrześcijan w Polsce jako Kościół wyboru: analiza etnologiczna wspólnoty religijnej. Kraków: Nomos, 2000. 343 s.

Значительную роль в языковом проявлении евангельских течений играли духовные лидеры. Например, два проводника евангельских христиан на Волыни – Алексей и Макарий Ничипоруки, белорусы по национальности, и в повседневной жизни и в проповеди пользовались только русским языком. Русским языком пользовались также известные на Волыни проповедники Владимир Марцинковский и Петр Городищ. Председатель Союза Людвиг Шендеровский, его заместитель Франц Венцкевич, поляки по национальности, употребляли преимущественно польский.

Отдельное внимание следует обратить на миссию Вильгельма Фетлера, которая в Польше была зарегистрирована как Общество взаимной помощи евангельских христиан. В. Фетлер, хотя и был латышом, считал себя русским. Поэтому миссию своей жизни видел в благовестии для России. Для этого в 1917 г. он создал Русский библейский институт в США, способствуя подготовке миссионеров, большинство из которых были из числа эмигрантов. Однако более двух десятков подготовленных им служителей в 1923 г. по понятным причинам не смогли попасть в Советский Союз, поэтому остались в Польше работать среди населения, которое В. Фетлер и его ученики считали русским. Конечно, и в быту, и в богослужении они употребляли русский язык^[21].

В числе миссионеров В. Фетлера были и служители с пятидесятилетними взглядами П. Ильчук и Г. Шмидт. О себе Густав Шмидт писал: «Я американский гражданин, но родом с Волыни, поэтому привязанность моя к русскому народу не только духовная, но и родовая»^[22]. Это еще раз свидетельствует об убеждениях, а следовательно и языковом выборе миссионеров. Густав Шмидт издавал для пятидесятилетней среды русскоязычный журнал «Примиритель».

Среди евангельских духовных лидеров, имевших влияние на Волыни и Полесье, существенно выделялся Моисей Гитлин. Еврей по национальности, утверждение евангельских взглядов которого состоялось в мессианской общине Нью-Йорка, в начале 20-х годов стремился вернуться на родину, в Кривой Рог, для проповеди Евангелия своему народу. Однако его постигла такая же участь, что и миссионеров В. Фетлера. М. Гитлину пришлось остаться в Польше. Он поселился в Здолбунове на Волыни и присоединился к служению местной евангельской общины. Там он заметил, что местные жители разговаривают не на русском языке. Личный опыт молодого М. Гитлина подсказал ему, что для того, чтобы успешно проповедовать Евангелие, ему нужно обращаться к слушателям на их родном языке. Поэтому миссионер успешно выучил украинский.

Его современники в письменных воспоминаниях, а также свидетели его проповедей отмечают Моисея Гитлина как единственного лидера

[21] Лук'янчук Никодим Лук'янчук Н. Незабутні спомини. Пастор Василь Андрійович Фетлер. Торонто, 1963. 32 с.

[22] Шмідт Г.Ш. Данциг. *Примиритель*. 1930. С. 1

междувоенного периода, который проповедовал для украинцев на их родном языке^[23]. Более того, став директором библейских курсов, где учились представители разных евангельских течений и разных национальностей, он призывал их молиться и проповедовать на родном языке, возвращаясь для миссионерской работы в свои регионы. Хотя само обучение происходило на государственном – польском языке, а иногда на русском и английском. В 30-х годах Моисей Гитлин провел ряд месячных библейских курсов в разных евангельских общинах Волыни и Полесья.

Возможно, именно благодаря его влиянию на молодежь, а также благодаря объективным обстоятельствам (преподавание отдельных предметов в польских школах на украинском языке, «волынкий експеримент», в рамках которого поляки проявляли лояльность к украинцам, на официальном уровне пользовались украинским языком, украинизация православной церкви в Польше) в 30-х годах евангельские течения начали более интенсивно употреблять украинский язык. Молодежь проповедовала на украинском языке, из Галичины на Волынь проникали журналы «Післанець правди», «Віра і наука» и др., распространялись в рукописях произведения евангельских писателей и песенники.

Большое значение имело издание пятидесятниками в Кременце в 1931 г. «Скарбнички духовних пісень», дополненное и переизданное как «Псалмоспівни» в 1937 г. и 1939 г. Украинский сборник был чрезвычайно популярным среди всех евангельских течений и постепенно вытеснял из употребления русскоязычные «Гусли».

Итак, евангельские течения на Волыни и Полесье пользовались преимущественно русским языком, польским как государственным, и украинским по требованию активной молодежи. Фактически, язык протестанты Волыни и Полесья рассматривали как коммуникативное средство.

Украинцы Галичины, имея более сформированное национальное сознание и незначительную практику русского языка, тяготели к употреблению в богослужении и церковной жизни именно живого народного языка. Однако на этапе зарождения украинского баптизма в Галичине это было сложно сделать.

Церковный историк Г. Домашовец отмечал, что евангельско-баптистское движение в Галичине начал евангельский христианин Макарий Ничипорук. Он и другие лидеры евангельских христиан проповедовали и распространяли духовную литературу на русском языке, что очень беспокоило галичан^[24].

^[23] Подворняк М. Шалом. Життя і праця д-ра Мойсея Ю. Гітліна. Вінніпег, Торонто, 1973; Інтерв'ю з Єфимчуком Василем Степановичем (1927 р.н., с. Колоденка) записала Бородинська Л. І. 19.05.2016 р. *Архів Історичного товариства «Сувій» при Рівненському ООЦ ЄХБ.*

^[24] Домашовець Г. На прості дороги. Ірвінгтон: Вид-во «Кирило-Мефодіївського братства», 1972. С. 163–164.

Моисей Гитлин (сидит в центре в первом ряду) с преподавателями и студентами библейских курсов в с. Радости около Варшавы, 1925 г.

В 1923 г. баптисты и евангельские христиане Польши образовали совместное объединение. Однако впоследствии между названными течениями появились определенные недоразумения. Сепаратистские тенденции усиливались в среде баптистов Галичины языковым вопросом. Они не желали сотрудничать с волынскими миссионерами, которые русифицировали галицких баптистов.

На этом акцентирует и баптистский деятель И. Кубрин в книге «Новая вера»: «Фактически, между баптизмом и евангельским христианством нет в основе никакой догматической разницы. Между этими двумя религиозными направлениями, кроме самого названия есть только одна разница: баптизм является чисто духовным христианским движением общечеловеческого характера, а направление евангельских христиан – движением в определенной степени русской национальной окраски. И это неудивительно, ведь оно в России, в Петербурге началось среди высшей аристократии»^[25].

Пастор и писатель, Л. Жабко-Потапович, языковые проявления украинских баптистов Галичины описывал так. «К сожалению, это движение,

^[25] Кубрин И. Нова віра в Західній Україні. Торонто, Вінсдор: накладом Івана Підгорецького, 1968. С. 31

Левко Жабко-Потапович.

как известно, в бывшей царской России осуществлялось преимущественно на русском языке. А потому и в Украине верующие пользовались русскими Библиями, Новыми Заветами и другой духовной литературой. Эти российские влияния пришли и в Галичину. Католическое (униатское) духовенство, которое вообще было против протестантского движения, в российских влияниях увидело угрозу коммунистическую, само насторожилось против него и побудило польские власти восстать против него... Здесь дело радикально изменилось с приездом из Америки проповедника Василия Перетятка в 1926 г. Он со своими сотрудниками провел надлежащий

духовно-народный курс, введя проповедь Слова Божьего на украинском языке. В некоторых городах, как Рава, Львов, Борислав, где в церквях были верующие обеих народностей, оставлено было наряду с языком украинским также и польский»^[26].

В 1927 г. баптисты Галичины начали издавать украинскоязычный журнал «Післанець правди», где помещали духовные статьи, воспитательный материал, поэзию и рассказы, которые были тем украинскоязычным ресурсом для богослужений, которого так не доставало всем евангельским течениям. На страницах «Післанця правди», в отличие от «Баптиста України», дискуссии о языке и самоопределении украинцев не разворачивались. Зато журнал целенаправленно работал не только на духовное созидание читателей, но и морально-этическое и культурное воспитание, подчеркивая украинскую самобытность, позиционируя украинцев, проживавших в разных уголках земного шара, как единый народ, публикуя произведения украинских писателей^[27].

Национальная направленность украинских баптистов способствовала их миссионерской деятельности. Например, на протяжении 1928–1933 гг. численность баптистских общин в Галичине выросла с 15 до 67^[28].

^[26] Жабко-Потапович Л. Життя Церкви. Історичний нарис. Вінніпег, Чикаго: Дорога правди, 1977. С.18–19.

^[27] Кубрин І. «Післанець Правди» та його значення. *Післанець правди*. 1936. №12. С. 211–214; Лютий М. В десяти роковини «Післ.Правди». *Післанець правди*. 1936. № 12. С. 207–209; Домашовець Гр. Віра й чеснота. З циклу «Молодечі чесноти». *Післанець правди*. 1937. № 4. С. 49–50 та ін.

^[28] Кирилів Галина. Поширення і розвиток баптистського руху у Східній Галичині у 20–30-х роках ХХ ст. *Львівський музей історії релігії*. URL: <https://museum.lviv.ua/vystavky/virtualni-vystavky/722-poshyrennia-i-rozvytok-baptystskoho-rukhu>

Примером решения языкового вопроса стала баптистская община во Львове. Зародилась она среди поляков, но постепенно в ней росла численность украинцев. Язык, а также, очевидно, и общественно-политические ориентиры обеих национальностей начали создавать напряжение в общине, что приводило к недоразумениям и частой смене руководителей. Решить недоразумения удалось Левку Жабку-Потаповичу, человеку абсолютно четких национальных взглядов, который возглавил львовских баптистов в 1934 г. Тогда община была разделена на польскую (28%) и украинскую (72%). Польский баптистский исследователь К. Беднарчик, конечно, представляет это как негативное явление. В то же время он отмечает, что «обе общины, несмотря на всевозможные трудности, смогли сотрудничать между собой вплоть до конца периода (до 1939 г. – прим. Л. Б.)»^[29]. А Л. Жабко-Потапович, который сначала возглавлял украинскую общину, в конце 30-х годов опекал и польских единоверцев.

Национальное направление баптистского сообщества стало основанием для взаимопонимания и сотрудничества с Украинской евангельско-реформированной церковью (УЕРЦ), которая базировалась на украинских культурных и национальных ценностях. Епископ церкви Василий Кузив, кроме попытки поднять духовный и моральный уровень общин, стремился украинизировать в определенной степени полонизированное и русифицированное украинское население. Одним из признаков национальной церкви, по мнению реформатов, должно было быть обязательное употребление украинского языка в культовой и бытовой практике. По мнению лидеров УЕРЦ, осуществление национальной украинской реформации способствовало бы сохранению украинцами своей этнической идентичности и одновременно могло бы гарантировать приобщение Украины к европейскому сообществу.

Особый акцент Украинская евангельско-реформированная церковь делала на издании и распространении духовной литературы. Это были переводы на украинский язык европейских теологических произведений. Периодические издания УЕРЦ «Віра і наука», его приложение «Приятель дітей», «Українська Реформація», его приложение «Недільна шкілька»,

Журнал «Післанець правди».
Главный редактор Левко Жабко-Потапович.

u-skhidnii-halychyni-u-20-30-kh-rokakh-khkh-st

^[29] Bednarczyk K. Historia Zborów Baptystów w Polsce do 1939 roku. Warszawa: Słowo Prawdy, 1997. Str. 254 – 255.

«Сіяч»^[30] розпространялись также среди баптистов и евангельских христиан. Периодика среди прочего отстаивала национальные традиции и необходимость применения родного языка в церковно-религиозной жизни, а также заботилась о формировании украинского культового языка.

Острейшей потребностью украинских протестантов в междувоенной Польше, как и везде, была Библия на современном им родном языке. Баптистский пастор и писатель Л. Жабко-Потапович отредактировал Новый Завет перевода П. Кулиша и И. Пулюя современным языком и искал издателей. В то же время епископ Украинской евангельско-реформированной церкви Василий Кузив также искал возможности дать верующими Слово Божье на родном языке. Стремление этих двух протестантов привело их с вышеназванными наработками к Британскому и зарубежному библейскому обществу. Оно же предложило профинансировать или издание отредактированного Нового Завета, или издание всей новопереведенной Библии. Конечно, В. Кузив и Л. Жабко-Потапович приняли второе предложение.

В 1936 г. была создана переводческо-ревизионная комиссия, в которую вошли епископ Украинской евангельско-реформированной церкви Василий Кузив (председатель комиссии), пастор этой церкви Николай Жураковский, пастор украинской лютеранской церкви Иларион Шебец, лютеранский пастор Мартин Гофман, пастор баптистской церкви Левко Жабко-Потапович (секретарь-редактор) и профессор Владимир Марцинковский^[31].

Комитет от имени библейского общества пригласил переводчиком проф. Ивана Огиенко, который самостоятельно начал переводить Новый Завет на украинский язык еще в 20-х годах XX в.^[32] Результатом плодотворной и насыщенной работы переводчика и комиссии стало издание Евангелий (1937 г., Львов), Нового Завета и Псалтыря (1939 г. Варшава)^[33] и Библии на украинском языке (1962 г. Лондон)^[34].

Итак, пользуясь и всячески способствуя развитию украинского языка в богослужбной практике и церковной жизни, протестантские течения, действовавшие в Галичине, понимали его не только как средство коммуникации, но и как выразитель коллективного сознания, инструмент культурного, морально-этического и национального формирования украинца.

^[30] Мартинюк М. Українські періодичні видання Західної України, країн центральної та Західної Європи (1914–1939 рр.). Матеріали до бібліографії. Львів, 1998.

^[31] Біблія або Книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту із мови давньоєврейської і грецької на українську дослівно наново перекладена. Лондон: Британське і закордонне Біблійне товариство. 1963.

^[32] Там же.

^[33] Жабко-Потапович Л. Життя Церкви. С. 36–45.

^[34] Детально об этом: Бородинська Л. Переклади Святого Письма українською мовою: «Коли б Господь сподобив підперти рідну мову Біблією». *Богомыслие*. 1921. № 30. С. 216–243.

В годы Второй мировой войны много протестантов со всей Украины эмигрировало в Германию, а затем в другие европейские и американские страны. Непохожий опыт их языкового проявления сказался на взаимоотношениях протестантских общин в эмиграции. Если в условиях междувоенной Польши определенная модель языкового употребления имела конкретную территорию распространения, то после Второй мировой войны украинцы, оказавшиеся в свободном мире, могли самостоятельно выбирать язык богослужения. Многие из них по привычке, а некоторые по убеждениям, и дальше пользовались русским языком, осуждая тех, кто желал в богослужении и церковной жизни употреблять украинский язык. Конфликтность на этой почве привела к созданию украинских и славянских объединений как в Германии, так впоследствии и в США, Канаде, Аргентине и др. странах расселения украинцев-протестантов^[35]. Как утверждал один из украинских эмигрантов, бывали случаи, когда общину составляли украинцы и несколько белорусов, или украинцы и один поляк. Такие общины называли себя славянскими и языком богослужения избирали русский^[36]. Здесь приходит на ум известное высказывание Карела Чапека: «Русские все вокруг себя называют славянским, чтобы потом все славянское назвать русским». Таким образом сторонники употребления русского языка уже не воспринимали его как коммуникативное средство, он фактически стал символом коллективного сознания.

Тем временем украиноязычные круги протестантов-эмигрантов стали благодатной почвой для развития богослужебного языка, формирования художественного и богословского наследия, а также, что немаловажно, – воспитания государственного мировоззрения. Среди эмигрантской элиты, которая отстаивала употребление украинского языка в церковной сфере, были писатели, редакторы, радиопроповедники, пасторы: Левко-Жабко Потапович, Иван Кмета-Ефимович, Михаил Подворняк, Илларион Тарасюк, Иван Барчук, Олекса Гарбузюк, Григорий и Владимир Домашовцы и др.

К сожалению, большая часть их наследия достигла украинских евангельских христиан-баптистов с опозданием и не была по достоинству оценена носителями советизированного мировоззрения.

^[35] С-чук Ф. Християнство і націоналізм. Торонто, Детройт: Видання УЄО в Північній Америці, 1966. 143 с.; Семенина І. Збережені Господом: спомини проповідника. Торонто, Чикаго: Дорога правди, 1958. 55 с.; Подворняк М. Життя з плодами. Життя і праця проповідника Івана Барчука. Торонто, Клівленд: Дорога правди, 1986. 90 с.; Подворняк М. Далека дорога. Спогади. Торонто, Чикаго, 1963. 336 с.; Нищик С. Шлях віри. Вінніпег, Детройт: Дорога правди, 1975; Кубрин І. На вузькій дорозі. Спогади проповідника. Саскатун: Боже слово, вид-во Українського Місійного і Біблійного Товариства, 1962. 142 с.; Боровський В. Під покровом Всевишнього. Спомин. Атланта: Видання УЄО в ПА, 1983 і др.

^[36] С-чук Ф. Християнство і націоналізм. Торонто, Детройт: Видання УЄО в Північній Америці, 1966. 143 с.

ЛИНГВОЦИД УКРАИНЦЕВ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ЦЕРКОВЬ

◆ Анализируя прошлое, трудно было не заметить поразительного сходства риторики почти столетней давности в союзе баптистов советской Украины с современными дискуссиями. В прошлом евангельско-баптистское сообщество не смогло или не успело определиться со своими национальными ориентирами. Сегодня оно снова стоит на том же распутье. Вместе с тем на украинской территории действовали протестантские церкви с четко определенной национальной ориентацией (например, баптисты Галичины, УЕРЦ), которые старались не только давать людям узко духовную пищу, а заботиться о разностороннем, в том числе и культурно-национальном формировании своих верующих. С чем связано наличие или отсутствие национального сознания церкви? С тем ли, что она лишь отражает состояние общества, в котором находится? Или этому есть какие-то другие, внутренние, институциональные или исповедные причины? Сейчас сложно ответить.

Тем не менее, церковь всегда несет на себе отпечаток общественных процессов. Не потому ли УЕРЦ, которая зародилась в свободном мире Канады, чувствовала себя самодостаточным украинским сообществом? Баптисты Галичины, как и украинские лютеране и греко-католики на этих территориях, имели также проукраинские ориентации. Одну из причин этого видим в признании еще австро-венгерской властью украинцев как народа (пусть даже политика в отношении украинцев была непоследовательной). Эти религиозные сообщества говорили со своими верующими и потенциальными членами церкви на понятном им на ментальном уровне языке.

В то же время большая часть евангельско-баптистского сообщества зарождалась и развивалась в совершенно других условиях. Политика Российской империи и Советского Союза в отношении украинцев, и их языка в частности, была направлена на ограничение, и даже уничтожение. Правда, Российская империя пыталась ограничить употребление украинского языка, отрицая его право на существование. Это, бесспорно, давало результаты. Но вопреки этому в XIX в. развилась современная украинская литература, а украинство стало формироваться как нация. Все это давало перспективу украинцам создать собственную политическую нацию и государство.

Политика Советского Союза была несколько иной. Коммунистическая власть признавала украинский язык, даже на начальном этапе отдавала ему предпочтение. Но пыталась уничтожить носителей этого языка. Политика «украинизации» стала опасной для Москвы тенденциями к независимости Украины и вскоре была свернута. А выявленных сторонников национально-культурного возрождения, в том числе и религиозных лидеров, советская власть постепенно уничтожила. Жестоко и целена-

правленно тоталитарное государство уничтожало еще один слой, который был самым массовым носителем украинского языка, – крестьянство. Украинцев, которые выжили после репрессивной машины 30-годов, необходимо было поставить в условия второсортности, заставить самих отказаться от своего украинства. Поэтому украинский язык существовал, но в ущемленном положении: его позиционировали как язык крестьянства, не престижный, не способный для научного высказывания, не употребляемый в высшей школе. В 1938 г. в школах введено обязательное изучение русского, в 1959 г. – необязательное изучение украинского и сокращение часов на этот предмет в школах с украинским языком преподавания, а в 1983 г. «для улучшения изучения» учителям русского языка в СССР назначали оплату труда на 15% выше, чем учителям национальных языков.

Другим серьезным шагом коммунистической власти стало уничтожение языка как такового, ликвидация его самобытных черт и максимальное приближение к русскому. Комиссия, созданная в 1933 г. для проверки работы в языковой сфере, должна была «отбросить искусственное отмежевание украинского языка от русского языка в словарях и устранение националистических правил правописания, которые ориентировали украинский язык на польскую, чешскую буржуазные культуры». Это привело к русификации украинского правописания, научной терминологии, переписыванию словарей. А также к физическому уничтожению языковедов – «украинских националистов на языковом фронте, которые пытались оторвать развитие украинского языка от русского».

Фактически, русский язык стал инструментом порабощения, уничтожения украинского национального самосознания, ассимиляции с российским обществом, а следовательно – денационализации украинцев. Отсюда и начало болезней национальной психики: чувство неполноценности, отсутствие национального самосознания, неуверенность в собственных силах, заигрывание с тем, кто сильнее, абсолютное нежелание к собственной идентичности и, наконец, к созданию государства.

Своим появлением в условиях Российской империи евангельско-баптистское движение пошатнуло один из имперских принципов, который пытался достичь религиозной, а следовательно мировоззренческой унификации – «православие». А вот два других принципа «самодержавие и народность» остались без внимания протестантов. Язык, то есть сердцевину «народности», протестанты воспринимали, скорее, как средство, а не как символическое выражение коллективного сознания. Поэтому пользовались языком империи – русским. Фактически, за редким исключением, они и дальше были носителями имперского мировоззрения, только очень поляризованного: от великодержавного превосходства до национальной неполноценности. Что, к сожалению, можем наблюдать до сих пор. Перед протестантами стоят вызовы, один из которых: быть носителями рабского

менталитета или свободы, носителями достоинства или неполноценности (что является той же гордостью, только со знаком минус).

Еще и сегодня в евангельско-баптистском сообществе встречаются рудименты сформированного в советское время мировоззрения, желание держаться в стороне от общества, которое долгое время считалось оппозиционным. Советскую государственную систему, которая ликвидировала все национально выраженные религиозные сообщества, а другие контролировала и преследовала, баптисты справедливо считали враждебной. Но это привело к тому, что национальные, в том числе и языковые вопросы, они рассматривали как политические и старались их избегать, идя по пути наименьшего сопротивления. Такой стереотип поведения отчасти сохранился и до сих пор. Сегодня в языковом определении евангельско-баптистское сообщество, скорее, плывет по течению, а точнее, бросается на волнах военных перипетий.

Языковые и, хочется надеяться, мировоззренческие изменения в евангельско-баптистском сообществе за последние годы лишь отражают постепенный национальный подъем украинства. Но тогда, когда время требует, чтобы церковь возглавила духовный подъем страны, ее исцеление не только от травм нынешней войны, но и от давних ран советской деморализации, она растерянно стоит, как израильский народ на берегу Красного моря. Церковь на ее пути к эффективному выполнению миссии останавливает, казалось бы, объективное препятствие – «щекотливый» языковой вопрос.

На церковных мероприятиях, конференциях, в соцсетях звучат голоса служителей^[37] и интеллектуалов за более активное внедрение украинского языка в богослужении, но четкой позиции, а тем более стратегии в формировании не просто языкового, а национального видения церковь пока не имеет.

Вместе с тем на фоне нечеловеческой жестокости агрессора, обострения национальной чувствительности и душевной боли иногда появляются и радикальные настроения с требованиями директивного внедрения украинского языка хотя бы в богослужебной практике. Поэтому в итоге «щекотливый» вопрос церковь предпочитает не затрагивать, понимая язык, по словам Лины Костенко, как «фактор отчуждения. Не интеллектуальное достояние веков, не код взаимопонимания, не первоэлемент литературы, а с тяжелой руки Империи до сих пор для многих – это признак национализма, сепаратизма, причина конфликтов и моральных травм»^[38].

^[37] Романюк Микола Українські баптисти і мовне питання. Блог Миколи Романюка: *scripta|написане*. Опубліковано 9.11.2016. URL: <http://www.rmikola.com/pohlyad/ukrayinski-baptysty-i-movne-pytannya.html>

^[38] Костенко Л. Україна як жертва і чинник глобалізації катастроф. Освіта і управління. Київ, 2004. №2. С.30–38.

К сожалению, национальные травмы, которые наносило тоталитарное государство украинцам, не так легко исцелить. Особенно, когда они не осознаны или спровоцировали разный эффект у разных людей – от обострения национального чувства до отказа от своего украинства. Поэтому любой радикализм в языковом вопросе, который касается глубоко духовной сферы человека, будет порождать новые травмы.

Психолог и христианка, Оксана Грицюта, отмечает, что общей задачей нынешних украинцев является «сохранить «память» о травме родителей, оплакать их потери,отреагировать на их унижение». Если это не удастся, замечает ученая, то новое поколение начинает мстить за травму родителей. Однако для менталитета украинцев месть или радикализм – не совсем типичное явление, поскольку, как отмечает психолог, «характерной чертой украинцев является толерантность, которая иногда переходит даже разумные пределы. Поэтому когда надо быстро реагировать на агрессию, украинцы долго терпят, иногда в ущерб себе. Это как раз и обусловлено теми пережитыми, но не прожитыми травмами, которые испытали украинцы в прошлом»^[39].

Единственным путем преодоления деструктивного влияния тоталитаризма и формирования национального единства, в том числе и языкового, является осознание своих корней, травм и успехов, мотивов и ценностей, собственно, осознание самого себя – самоидентификация.

ЯЗЫКОВОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КАК ПРИЗНАК ЦЕЛОСТНОЙ ЛИЧНОСТИ

◆ Источником и залогом идентификации человека является Бог как его Творец. Он обращается к нему по имени и называет Свое: «Я есмь Сущий... Я Господь» (Исх. 3:14–15; 6:2–3). Да и определение человека начинается словами Самого Бога: «Сотворим человека по образу Нашему, по подобию Нашему... И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его, как мужчину и женщину сотворил их» (Быт. 1: 26–27). Божьи слова предполагают сотворение человека как социального существа. А онтологическое единство первой семьи словами «размножайтесь и наполняйте землю» прогнозирует такое же единство будущих больших социальных образований, в частности народов и наций.

Поэтому в поисках собственной идентичности среди ряда вопросов человек должен ответить и на тот, кем он является с национальной точки зрения. Национальная самоидентификация предполагает «другого», в противовес которому происходит отделение и осознание себя, своих отличительных черт и формирование общности на основе этих черт. Библия наводит фокус на национальную самоидентификацию одного человека (Авраама) и его потомков (израильского народа). Авраам сделал такой

^[39] Грицюта Оксана. Рани війни. Християнська сім'я. 2022. № 2. С. 28–29.

шаг отделения, выйдя из Уру, а затем из Харана; израильтяне – выйдя из Египта. Путь Авраама от Ура к Махпеле – это было не просто путешествие по указанию Бога. Это был путь к себе, на котором Авраам учился слушать и доверять Богу, понимать себя, взаимодействовать с другими людьми и этническими группами. На этом пути еще при жизни он увидел реализацию Божьего обещания – «благословлю тебя и возвеличу имя твое; и будешь ты в благословении», а также своего предназначения – «благословятся в тебе все племена земли». Как видим, самосознание человека, в этой ситуации этническое самосознание – это путь, на который зовет его Бог. Назначение этого пути всегда двойственное – благословение того, кто его проходит, и благословение его окружения.

Классическим библейским примером формирования нации, а главное самосознания себя нацией, является сорокалетнее путешествие израильского народа. Это также был путь к себе. Начался он по указанию Бога и происходил только в сопровождении Бога. Часто мучительный, но замечательный опыт созидания еврейской нации образно и емко, с применением к украинской современности описал Михаил Черенков в книге «Моисей для наших дней»:

Народ видел чудеса и был свидетелем Божьего гнева, собирал манну и объедался мясом, каялся и клялся. И все время роптал. Чем ближе к земле обетованной – тем больше.

Хотели взять землю, но без войны.

Хотели жить лучше, но не рискуя.

Впереди – лучшее будущее, но вместе с ним опасность. Позади рабство, но стабильность...

«Все, которые видели славу Мою и знамения Мои, сделанные Мною в Египте и в пустыне, и искушали Меня уже десять раз, и не слушали гласа Моего, не увидят земли...» (Чис. 14: 22–23).

И действительно, невозможно начать новую страницу истории с таким упрямым неверием. Оно заразительно. Оно станет проклятием и на новой земле, и для новых поколений. Поэтому те, кто вышел из Египта, остались в пустыне...

Какой дух у нас? Дух слабого и трусливого, маловерного и недоверчивого, недовольного и ропшущего большинства? Или дух тех, кто идет вперед и смело берет то, что дал Бог?^[40]

Путь евреев, который начался с, казалось бы, такого объективно непреодолимого препятствия как Красное море, был не к земле обетованной, а к себе. Это был путь рабов-потребителей, которые просто хотели вдоволь наесться, к сердцу Бога, который сквозь большие трудности создавал из евреев нацию. Украинцы сегодня также проходят путь самосознания.

^[40] Черенков Михайло. Мойсей для наших днів. Київ: Mission Eurasia, Українська баптистська теологічна семінарія, 2017. С. 74–75.

Языковое проявление, а для кого-то – языковой выбор, является одним из выразителей их национальной самоидентификации.

Поэтому, говоря об **украинизации** сегодня, имеем в виду не просто распространение украинского языка в разных сферах общественной и личной жизни, а **осознание себя украинцем – частью украинского сообщества. Это полное принятие национальной идентичности**, которая может быть не врожденной, а избранной, как это было с Руфью: «Народ твой будет моим народом, и твой Бог моим Богом; и где ты умрешь, там и я умру» (Руфь 1:16–17).

Издавна в Украине рядом с титульной нацией жили представители многих народов, которые могли активно пользоваться родными языками. Однако языковая ситуация долгое время в Украине была деформирована. Например, согласно переписи населения в 2001 г. соотношение этнических украинцев и русских и их языковое проявление не совпадали: украинцы составляли 77,8 % населения Украины, тогда как украинский язык признало родным лишь 67,5 %; русский язык родным считало 29,6 %, из которых лишь 56 %, было этническими русскими^[41].

Чтобы преодолеть тяжелое наследие, травматический опыт народа, недостаточно государственных решений, которые, как оказалось, были не системными и малоэффективными. Путь к открытию собственной идентичности для многих украинцев пробивался сквозь болезненные испытания, среди которых Революция Достоинства и война России против Украины, особенно полномасштабное вторжение. Более того, именно полномасштабная война стала едва ли не самым большим внешним радикальным фактором, когда перед глазами смерти человек делал шаг к отрыву от враждебного мировоззрения в пользу украинства. Ценностные изменения украинцев отразились в статистике. В течение последнего десятилетия происходит устойчивый рост количества тех, кто считает украинский язык родным: с 57% в 2012 г. до 76% в 2022 г. Русский за 10 лет потерял с 42 до 20%^[42].

Трудно выяснить, как языковое определение проходит среди верующих. Можем лишь проследить, на каком языке они читают Библию. А языковая ситуация распространения Библии выглядит несколько иначе. Согласно информации, предоставленной Украинским библейским обществом (УБО), в 2015 г. из распространенной им литературы лишь 35,5% занимала украинскоязычная, тогда как русскоязычная – 63,2%. Заместитель генерального секретаря УБО, Анатолий Райчинец, объясняет, что

^[41] Мовний склад населення України. Всеукраїнський перепис населення 2001. *Державний комітет статистики України*. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language/>

^[42] Шосте загальнонаціональне опитування: мовне питання в Україні (19 березня 2022). Дата публікації 25.03.2022. *Рейтинг*. URL: https://ratinggroup.ua/research/ukraine/language_issue_in_ukraine_march_19th_2022.html

многие украинцы, даже пользуясь родным языком в повседневной жизни и богослужении, продолжают читать Библию на русском языке. К тому же, используют именно Синодальный перевод, придавая ему определенную степень священности. С течением времени показатель медленно увеличивался в пользу украинского языка. В 2021 г. он достиг 57% духовной литературы на украинском языке, и 42,9% – на русском. Только с началом полномасштабной войны произошел стремительный скачок в языковых предпочтениях верующих: 79,8% было распространено украинскоязычной литературы и 20,1% – русскоязычной, что совпадает с языковым выбором украинцев в целом^[43].

Между тем ученые, исследующие язык, утверждают, что родной язык является одним из условий формирования духовной целостности как народа, так и отдельного человека. В языке отражается психология, мышление народа, он тесно связан с менталитетом, мировосприятием человека. Немецкий лингвист В. Фон Гумбольдт считал, что каждый народ проявляет в языке свое индивидуальное видение мира и способ формирования мысли.

Украинский языковед А. Потенбня, исследовавший взаимосвязь родного языка и формирования личности, утверждал, что в языке заложен своеобразный код национального сознания, культурной самобытности народа. А потому «денационализация сводится на дурное воспитание, на нравственную болезнь: на неполное пользование наличными средствами восприятия, усвоения, воздействия, на ослабление энергии мысли; на мерзость запустения на месте вытесненных, но ничем не замененных форм сознания; на ослабление связи подрастающих поколений со взрослыми, заменяемой лишь слабой связью с чужими, на дезорганизацию общества, безнравственность, оподление»^[44]. Социологи заметили, что самый высокий процент преступлений именно в городах денационализированных, где фактически украинский язык отсутствует, а русский заметно искажен^[45].

Имея глубинную связь с менталитетом, родной язык дает человеку высокий потенциал духовного формирования. Очень красноречиво об этом писал выдающийся украинский ученый И. Огиенко в работе «Родноязычные обязанности»: «Каждая вера крепче связана с родным языком народа, потому что родной язык – это основная плодородная почва каждой веры. Родной язык – путь к Богу... Народ, слушающий Службы

^[43] Информацию о распространении духовной литературы по языковому показателю предоставил исполнительный директор УБО Владимир Бронувицкий.

^[44] Потенбня О. Мова. Національність. Денационалізація: ст. і фрагм.; упоряд. і вступ. ст. Ю. Шевельова; Укр. Вільна Акад. Наук у США. Нью-Йорк: [б.в.], 1992. 155 с. С.73.

^[45] Боднар А. Я., Макаренко Е. М. Взаємодія мовних і ментальних структур у формуванні національної самосвідомості (на прикладі української та російської мов). Наукові записки. Том 47. Педагогічні, психологічні науки та соціальна робота. 2005. URL: http://ekmair.ukma.edu.ua/bitstream/handle/123456789/7755/Bodnar_Vzayemodiya_movnykh_i_mental%27nykh_struktur.pdf?sequence=1&isAllowed=y

Божьи на неродном ему языке, подобен узнику, который любит миром Божиим через тюремные решетки... Церковные проповеди надо произносить только на родном языке верующих, потому что только он глубже всего обращается к душе слушателей и лучше всего создает их для добра...»^[46].

Идентификация, охватывающая национальное и языковое определение, является залогом целостности личности. Построить ядро личности без языка, который тесно связан с национальным самосознанием, невозможно. Именно за ним стоит стремление к состоянию достоинства, понимание, кем я являюсь. Поэтому человек, утверждающий, что он выше языковых вопросов, на самом деле имеет глубокие психологические (душевные) проблемы, он не нашел своей идентификации, не укоренен.

Сегодня особенно остро замечаем, что среди тех, кому удалось вырваться из оккупации или переехать из опасных территорий, есть люди, которые не идентифицируют себя ни с украинцами, хотя всю жизнь прожили в Украине, ни с русскими, хотя своим языком считают русский. В кризисный момент истории страны и жизни отдельного человека, когда создаются самые благоприятные, хоть и острые, условия для самоопределения, они не могут идентифицировать себя ни с кем^[47]. Такие люди являются неукорененными, неопределенными, не привязанными ни к одной нации. О таких диссидент М. Джилас писал: «Каждый человек является национальным, иначе он неполноценен»^[48]. По сути такие неукорененные люди являются потребителями с материальной и ментальной точки зрения. Когда они приходят в церковь, то и там продолжают привычный образ жизни, ожидая от Бога выполнения их минимумов (быть в Царстве Небесном). Но могут ли быть такие люди достойными гражданами Небесного Царства, если неверны в малом?

Язык – категория духовная, именно он соединяет человека с ментальным полем того или иного народа. Поэтому верующим людям, которые претендуют на то, что именно они являются движущими силами позитивных изменений в обществе (на самом деле, это не всегда так), стоит задуматься, к какому ментальному полю они присоединены, с кем они через язык входят в общность и что на самом деле несут в общество, в котором живут^[49].

О большом значении взаимосвязи языка и мировоззрения человека говорит и Библия. Неемия пишет: «Еще в те дни видел я Иудеев, кото-

^[46] Огієнко І. Наука про рідномовні обов'язки. *Рідна мова*. 1936. № 4. С. 161–164.

^[47] Интервью с Грицютой Оксаной, кандидатом педагогических наук, психологом, обучающим психотерапевтом ПТСР, председателем общественной организации «Носители мира», соорганизатором школы тренеров «DVIЖ».

^[48] Гонський Володимир. Мова як чинник формування людини і нації. *Національний університет біоресурсів і природокористування України*. Опубліковано 9 листопада 2020. URL: <https://nubip.edu.ua/node/83278>

^[49] Интервью с Грицютой Оксаной.

рые взяли себе жен из Азотянок, Аммонитянок и Моавитянок; и оттого сыновья их в половину говорят по-азотски, или языком других народов, и не умеют говорить по-иудейски. Я сделал за это выговор, и проклинал их, и некоторых из мужей бил, рвал у них волосы, и заклинал их Богом, чтобы они не отдавали дочерей своих за сыновей их, и не брали дочерей их за сыновей своих и за себя» (Неем. 13:23–25).

Современный читатель Библии обвинил бы Неемию в шовинизме или, по крайней мере, в нетолерантности к другим народам и агрессивности по отношению к инакомыслящим. Однако такое отношение обусловлено не тем, что иудеи говорили на чужом языке, а тем, что язык становился символом формирования чужого, языческого мировоззрения и одновременно «вратами» проникновения чужеродных для иудаизма идей.

Петр Пеннер справедливо считает, что «поздний национализм Неемии указывает на мешающие тенденции и мнения в Израиле и на несовершенное понимание своей роли по отношению к другим народам со всеми проблемами этничности и религиозности»^[50]. Однако чтобы понять и выполнить возложенную Богом на израильтян миссию, им необходимо было сохранить этническую и религиозную стойкость, за которую так переживал Неемия.

Несомненно, человек, как и сообщество, может только принять свое прошлое, каким бы болезненным и травмирующим оно ни было. Но в настоящем он может делать сознательный выбор, который повлияет и на его будущее. Ярослав Лукасик замечает: «В наших постимперских условиях выбор языка отношений свидетельствует о принадлежности к определенной цивилизационной традиции и говорит о системе ценностей и жизненной ориентации человека»^[51]. А в условиях войны этот выбор встает слишком остро. И очень не хотелось бы, чтобы он падал на язык, выражающий высокомерие и тоталитарное мировоззрение. Однако не для каждого гражданина Украины, как и не для каждого верующего, этот выбор очевиден.

В выступлении перед пасторами ВСЦ ЕХБ под названием «Тема, которая постоянно не ко времени», заместитель председателя союза Сергей Мороз отметил, что есть две причины, по которым проповедники не выбирают украинский язык для проповедей: не готовность жертвовать и лень^[52]. Рассмотрим вопрос шире: почему русифицированные украинцы, в том числе и протестанты, не желают говорить на украинском языке? Причин, кроме исторических, видим несколько:

^[50] Пеннер Петр. О языках и народах – Божий замысел в истории спасения народов.

^[51] Лукасик Я. Церква, мова і велике доручення. *Слово про слово*. Опубліковано 6 Травня, 2019. URL: <https://slovoproslovo.info/tserkva-mova-i-velyke-doruchennia-khrysta>

^[52] Выступление Сергея Мороза «Тема, которая постоянно не ко времени» во время Всеукраинской пасторской конференции ВСЦ ЕХБ «Вызовы пасторского служения во время войны», 24–25 июня 2022 года, г. Радомышль.

1. Невежество, интеллектуальная лень, прокрастинация к освоению нового языка.
2. В подростковом возрасте не были решены нормативные задачи этого периода, не был найден ответ на три ключевых вопроса: «Кто Я?», «Какой Я?», «Каково мое место на Земле?» Поэтому во взрослом возрасте человек психологически остается незрелым подростком и собственное бунтарство отрабатывает среди прочего в языке.
3. Происхождение. Семья в прошлом имела русские или иные корни и оторвалась от них, но мировоззренчески не приняла новую родину. Здесь стоит обрести свою идентификацию и определиться для собственного блага, с каким народом человек хочет пройти жизненный путь. Иначе вопрос целостности личности так и не будет решенным и перейдет эстафетой к следующим поколениям^[53].
4. Трансгенерационные (межпоколенческие) травмы, детские обиды (украинскоязычный человек вызвал боль и обиженный живет с этим годами).
5. Ненависть к кому-то из украинцев конкретно или же воспитание в ненависти к народу целиком^[54].

Каждая из названных причин не является узко языковой, функциональной, а имеет глубокие психологические и духовные корни.

РОЛЬ ЯЗЫКА В ВЫПОЛНЕНИИ МИССИИ ЦЕРКВИ

◆ Вернемся к мысли, высказанной Еленой Панич, о том, что ценность нации и языка для протестантов измеряется тем, как они способствуют или мешают верующим осуществлять их главную задачу. Так чем же может быть ценным для евангельских христиан-баптистов язык, в частности украинский?

Выбор языка для евангельских христиан-баптистов – это выбор будущего церкви. Ведь с личностной точки зрения – это вопрос ментальной, психологической целостности человека, а с общинной – это возможность возвращать церковь. Сегодня перед ней стоит такая же задача, как и сто лет назад, с той только разницей, что в прошлом миссионерская деятельность нацеливалась на украинскоязычных крестьян, сегодня же – на национально сознательную элиту. Поэтому для поместных церквей начнется своеобразный естественный отбор на языковой почве. Даже если сейчас языком миссионерства в отдельных регионах Украины является русский, то круг таких миссионерских влияний, учитывая естественное развитие общества, будет все больше сужаться.

^[53] Это же касается украинских эмигрантов, которые решат не возвращаться в Украину после войны. Им придется определяться в своем отношении к обществам, в которых они оказались: быть чужаками или согражданами.

^[54] Интервью с Грицотой Оксаной.

В годы независимости протестанты постепенно избавлялись от маргинальности, их авторитет в украинском обществе рос, а сейчас, в условиях войны, он просто взлетел благодаря активной социальной позиции, волонтерской и гуманитарной деятельности. Однако приоритетной задачей церкви остается благовестие и духовное формирование человека.

В этом контексте, как отмечает Я. Лукасик, **для церкви важно влиять на созидание нации**: «Как здоровая совесть формирует личность, так и церковь влияет на формирование национального духа и менталитета». Здесь заметим, что Ярослав Лукасик – один из немногих протестантов с четко определенным, последовательным национальным видением, возможно, потому что сформировался в польской среде, которая имеет острое чувство национальной идентичности. Он предлагает понимать взаимосвязь языка и миссии церкви гораздо глубже, чем просто переход на украинский язык в церковной жизни:

«Где есть церковь, которая имела здоровую теологическую и моральную базу, сознательно влияла на процессы нациетворчества, там сформировалась христианская система ценностей в культуре, которая легла в основу национальной ментальности»^[55].

Как церкви помочь своим членам, а дальше и украинцам в целом, вернуть или обрести собственную идентичность? Прежде всего, целенаправленно влияя на две ключевые группы: служителей и молодежь. Вполне вероятно, когда в евангельско-баптистском сообществе наберется критическая масса национально сознательных людей, она сможет преодолеть свои травмы неполноценности и будет влиять на формирование национальной ментальности.

Определяющим на пути к собственной идентичности является понимание своих корней. Христиане, как никто другой, должны осознавать важность формирования общей исторической памяти^[56]. Одним из важных условий формирования единства нации была память о пути «которым вел тебя Господь, Бог твой» (Втор. 8:2). Отсюда и возникновение праздников, памятников, памятных мест и топонимов. Отсюда обязанность передавать память по наследству, возложенная на родителей: «Если спросит у тебя сын твой в последующее время... То скажи сыну своему: «Рабами были мы...» (Втор. 6:20–21). И призыв к детям: «Вспомни дни древние, помысли о летах прежних родов; спроси отца твоего, и он возвестит тебе...» (Втор. 32:7).

Для каждого церковного служителя, особенно в русскоязычных регионах, чрезвычайно важно знать не просто историю своей церкви, но исто-

^[55] Лукасик Я. Церква, мова і велике доручення.

^[56] Яке майбутнє у національній державі? Східноєвропейський лідерський форум. Опубліковано 14 лютого 2020. URL: https://www.forumeast.eu/ua/yake_maibutnie_u_natsionalnoi_derzhavy/

рию Украины. Курсы истории Украины, составленные по проблемно-хронологическому принципу в соответствии с национальным, а не советским подходом, крайне необходимо вводить в семинариях и библейских колледжах для воспитания будущих служителей.

Чтение таких курсов, проведение семинаров, тренингов или хотя бы отдельных лекций по истории Украины позволит служителям, давно работающим в церквях, переосмыслить себя и свое прошлое, понять, наконец, причины современного положения нашей страны и церкви. Это даст возможность мотивировано работать над восстановлением духовной целостности человека, которая невозможна без восстановления целостности национальной.

Большое значение для осознания национальной идентичности имеет изучение украинской культуры, и украинской литературы в частности. Это даст возможность понять особенности формирования менталитета народа, присоединиться к богатейшей сокровищнице его искусства, вдохновиться, захотеть быть причастным к этому наследию. А самое главное – полюбить украинское. Любовь является лучшим двигателем любой деятельности человека.

Поэтому и языком церкви станет язык любви, как бы пафосно это ни звучало. Ведь любовь к окружающим будет проявляться тем, что ценнейшую весть о Христе людям скажут на понятном им, целебном для них языке. И здесь опять-таки не о средстве коммуникации, а о культурном проникновении, адаптации Слова Божьего к ментальным средствам, которые понимают те, на кого направлена проповедь. Никто из миссионеров не смог в полной мере донести евангельскую весть, пока не понял способа мышления людей, их традиций и мировосприятия.

Другим шагом является собственно изучение украинского языка, популяризация его в богослужебной практике. Кратчайший путь к этому – песня. Музыкальное искусство занимает важную часть евангельского богослужения. Более того, касаясь эмоциональной и эстетической составляющей человека, оно может влиять на овладение языком эффективнее, чем другие средства. Не зря более ста лет назад языковой вопрос в церкви поднимался именно с предложения писать песни на украинском языке.

Несомненно, важным является произнесение проповеди на украинском языке, но считаем, что более эффективными станут группы по изучению Библии на украинском языке, где есть возможность не только слушать, но и читать, высказываться, участвовать в живых диалогах. Многие крупные общины имеют опыт создания для детей и молодежи курсов английского языка совместно с развитием моральных и духовных ценностей. Такой опыт можно вполне применить для упражнения в украинском языке.

Выводы

◆ Итак, язык каждого народа является его отличительным признаком, особым Божиим благословением для человечества, поскольку предотвращает стремительное распространение зла на земле. Каждый носитель языка осознанно или бессознательно приобщается к ментальному полю своего народа. А родной язык становится кратчайшим путем человека к Богу и неотъемлемой составляющей обретения собственной идентичности.

Учитывая это, крайне важно, чтобы церковь, влияя на духовное совершенствование человека, говорила на родном ему языке. Несмелые шаги к внедрению украинского языка в богослужении, которые инициировали отдельные представители евангельской интеллигенции, происходили еще в первой половине XX в. Более целенаправленно и осмысленно действовали протестанты на западноукраинских землях, где сложились общественно-политические предпосылки для формирования национального сознания населения.

Травмы, нанесенные обществу тоталитарными режимами, отразились и на христианах. Губительное действие денационализации привело к нарушению целостности личности, развитию чувства неполноценности, маргинализации, моральной неустойчивости, материального и духовного потребительства. Целебное влияние церкви невозможно без возвращения человека к его корням, осознания травм, приобщения к богатой сокровищнице культуры своего народа. Глубокое выполнение церковью ее миссии – это также влияние на формирование христианской системы ценностей, которая станет основой национальной ментальности.

Сегодня украинизация церкви – это не тотальный переход на украинский язык в богослужении, а глубинный процесс формирования целостной личности, качественного христианина, воспитание добропорядочного гражданина Небесного страны, а следовательно, и земной, следствием чего и станет обращение церкви к родному языку.

Библиография

- 5-й Всеукраинский С'езд Християн Баптистов. *Баптист України*. 1928. № 7. С. 31–40.
- Біблія або Книги Святого Письма Старого і Нового Заповіту із мови давньоєврейської і грецької на українську дослівно наново перекладена. Лондон: Британське і закордонне Біблійне товариство. 1963.
- Боднар А. Я., Макаренко Е. М. Взаємодія мовних і ментальних структур у формуванні національної самосвідомості (на прикладі української та російської мов). *Наукові записки. Том 47. Педагогічні, психологічні науки та соціальна робота*. 2005. URL: http://ekmair.ukma.edu.ua/bitstream/handle/123456789/7755/Bodnar_Vzayemodiya_movnykh_i_mental%27nykh_struktur.pdf?sequence=1&isAllowed=y
- Боровський В. Під покровом Всевишнього. Спомин. Атланта: Видання УЄО в ПА, 1983. 388 с.
- Бородинська Л. Переклади Святого Письма українською мовою: «Коли б Господь сподобив підперти рідну мову Біблією». *Богомыслие*. 1921. № 30. С. 216–243.

- Гаврецька М.Й. Правовий режим української мови у Східній Галичині (1848–1939 рр.). Спеціальність 12.00.01 – теорія та історія держави і права; історія політичних і правових учень. Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата юридичних наук. Київ, 2015. 20 с.
- Гонський Володимир. Мова як чинник формування людини і нації. *Національний університет біоресурсів і природокористування України*. Опубліковано 9 листопада 2020. URL: <https://nubip.edu.ua/node/83278>
- Грицюта Оксана. Рани війни. *Християнська сім'я*. 2022. № 2. С. 28–29.
- Домашовець Г. На прості дороги. Ірвінгтон: Вид-во «Кирило-Мефодіївського братства», 1972. 204 с.
- Домашовець Гр. Віра й чеснота. З циклу «Молодечі чесноти». *Післанець правди*. 1937. № 4. С. 49–50.
- Єф[имови]ч І. Західня Україна. *Бантист України*. 1927. № 7. С. 50.
- Жабко-Потапович Л. Життя Церкви. Історичний нарис. Вінніпег, Чикаго: Дорога правди, 1977. 93 с.
- Ігнатуша А.Є. Політика українізації у віддзеркаленні протестантської преси 20-х рр. ХХ ст. *Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету*. 2001. Вип. XIII. С. 69–77.
- Інтерв'ю з Єфимчуком Василем Степановичем (1927 р.н., с. Колоденка) записала Бородинська Л. І. 19.05.2016 р. *Архів Історичного товариства «Сувій» при Рівненському ООЦ ЄХБ*.
- Кирилів Галина. Поширення і розвиток баптистського руху у Східній Галичині у 20–30-х роках ХХ ст. *Львівський музей історії релігії*. URL: <https://museum.lviv.ua/vystavky/virtualni-vystavky/722-poshyrennia-i-rozvytok-baptystskoho-rukhu-u-skhidnii-halychyni-u-20-30-kh-rokakh-khkh-st>
- Кмета-Єфимович І. Мої пояснення до статті «Неодкладна справа». *Бантист України*. 1927. № 4. С. 46–47.
- Кмета-Єфимович І. Неодкладна справа в Новому Році. *Бантист України*. 1927. № 1. С. 41 – 43.
- Кмета-Єфимович І. А. Новий переклад Святого Письма на українську мову. *Бантист України*. 1927. № 3. С. 45–46.
- Костенко Л. Україна як жертва і чинник глобалізації катастроф. Освіта і управління. Київ, 2004. №2. С.30–38.
- Кубрин І. «Післанець Правди» та його значення. *Післанець правди*. 1936. №12. С. 211–214.
- Кубрин І. На вузькій дорозі. Спогади проповідника. Саскатун: Боже слово, вид-во Українського Місійного і Біблійного Товариства, 1962. 142 с.
- Кубрин І. Нова віра в Західній Україні. Торонто, Вінсдор: накладом Івана Підгорецького, 1968. 117 с.
- Лук'янчук Никодим Лук'янчук Н. Незабутні спомини. Пастор Василь Андрійович Фетлер. Торонто, 1963. 32 с.
- Лукасік Я. Церква, мова і велике доручення. *Слово про слово*. Опубліковано 6 Травня, 2019. URL: <https://slovoproslovo.info/tserkva-mova-i-velyke-doruchennia-khrysta>
- Лютый М. Вдесяті роковини «Післ.Правди». *Післанець правди*. 1936. № 12. С. 207–209;
- Мартинюк М. Українські періодичні видання Західної України, країн центральної та Західної Європи (1914–1939 рр.). Матеріали до бібліографії. Львів, 1998. 296 с.
- Мовний склад населення України. Всеукраїнський перепис населення 2001. *Державний комітет статистики України*. URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/results/general/language/>
- Нищик С. Шлях віри. Вінніпег, Детройт: Дорога правди, 1975. 195 с.
- Огієнко І. Наука про рідномовні обов'язки. *Рідна мова*. 1936. № 4. С. 161–164.
- П.Д. Уривок зі статті в «В.З.» *Бантист України*. 1927. № 3. С. 42.

- Панич Олена. Про мову, патріотизм і євангельську ідентичність в Україні. РІСУ. Дата публікації: 26.11.2010. URL:https://risu.ua/pro-movu-patriotizm-i-yevangelsku-identichnist-v-ukrajini_n42755
- Пельтье Анн-Мари. Библиейские чтения. У истоков европейской культуры. Київ: Дух і літера, 2014. 456 с.
- Пеннер Петр. О языках и народах – Божий замысел в истории спасения народов: Вавилонская башня, Пятидесятница, Небесный Иерусалим. Богомыслие. 2021. № 30. С. 14–35.
- Півторак Г. П. Походження українців, росіян, білорусів та їхніх мов. Київ: Видавничий центр «Академія». 2001. 153 с.
- Подворняк М. Далека дорога. Спогади. Торонто, Чикаго, 1963. 336 с.
- Подворняк М. Життя з плодами. Життя і праця проповідника Івана Барчука. Торонто, Клівленд; Дорога правди, 1986. 90 с.
- Подворняк М. Шалом. Життя і праця д-ра Мойсея Ю. Гітліна. Вінніпег, Торонто, 1973. 128 с.
- Потебня О. Мова. Національність. Денаціоналізація: ст. і фрагм.; упоряд. і вступ. ст. Ю. Шевельова; Укр. Вільна Акад. Наук у США. Нью-Йорк: [б.в.], 1992. 155 с.
- Пуряева Н.В. Українська мова в літургійній практиці українських церков. *Проблеми гуманітарних наук: збірник наукових праць Дрогобицького державного педагогічного університету імені Івана Франка. Серія «Філологія»*. 2018. № 42. С. 128–146.
- Пухнер Мартін. Писаний світ. Як література формує історію. Київ: Темпора, 2022. 460 с.
- Романюк Микола. Українські баптисти і мовне питання. *Блог Миколи Романюка: scripta|написане*. Опубліковано 9.11.2016. URL: <http://www.rmikola.com/pohlyad/ukrayinski-baptysty-i-movne-pytannya.html>
- Семенова І. Збережені Господом: спомини проповідника. Торонто, Чикаго: Дорога правди, 1958. 55 с.
- С-чук Ф. Християнство і націоналізм. Торонто, Детройт: Видання УЄО в Північній Америці, 1966. 143 с.
- Ульяновський В. І. Церква в Українській державі 1917 – 1920 рр. (доба Гетьманату Павла Скоропадського). Київ: Либідь, 1997. 320 с.
- Черенков Михайло. Мойсей для наших днів. Київ: Mission Eurasia, Українська баптистська теологічна семінарія, 2017. 192 с.
- Шмідт Г.Ш. Данциг. *Примиритель*. 1930. С. 1.
- Шосте загальнонаціональне опитування: мовне питання в Україні (19 березня 2022). Дата публікації 25.03.2022. *Рейтинг*. URL: https://ratinggroup.ua/research/ukraine/language_issue_in_ukraine_march_19th_2022.html
- Яке майбутнє у національної держави? *Східноєвропейський лідерський форум*. Опубліковано 14 лютого 2020. URL: https://www.forumeast.eu/ua/yake_maibutnie_u_natsionalnoi_derzhavy/
- Bednarczyk K. Historia Zborów Baptystów w Polsce do 1939 roku. Warszawa: Słowo Prawdy, 1997. 368 str.
- Ewangeliczny Chrześcijanin. 1935–1937.
- Modnicka N. Kościół Ewangelicznych Chrześcijan w Polsce jako Kościół wyboru: analiza etnologiczna wspólnoty religijnej. Kraków: Nomos, 2000. 343 s.